

Марина СОЛОВЬЕВА
г. Нижний Новгород

ФИЛИН - ПТИЦА ПЕВЧАЯ

ОНА

«Ты сплошное недоразумение!» — то и дело повторяла мне мама. И когда я притаскивала с улицы бездомных котят, и когда тратила деньги на конфеты для дворовых приятелей вместо школьного обеда, и когда умудрилась облить вишневым соком свое кружевное кипенно-белое выпускное платье перед самым выходом из дома, а затем вытащить на вступительном экзамене единственный невыученный билет. Поначалу мама пыталась бороться с моей непрактичностью, но потом оставила эту затею.

— Всё, Липа... Не могу больше! — сокрушённо заявила мама, когда в конце восьмидесятых я привезла ей в подарок из Калининграда потрясающие австрийские туфли цвета красного бургундского вина. Обе — на одну ногу. Мама крутила в руках изящные лодочки, от которых шел приятный легкий аромат качественной кожи, и едва сдерживала слезы. — Устала я отстреливаться от твоей вечной непредсказуемости. Всё, патроны кончились. И не жалуйся на судьбу. Боюсь, ей с тобой тоже не сильно везет.

Я взяла из маминых рук злополучные туфли, а в голове тут же начал зреть план, как их оригинально использовать. Что, если вместо вазы для собранных сухих цветов? Сразу возникли очертания букета с рубиновыми вкраплениями, эффектно погруженного в яркие лодочки. Странное дело, но фантазии безудержно рвались наружу из моей головы, едва дело касалось творчества.

— Ты совсем меня не слушаешь! — мамин голос вернул к реальности. Она задумчиво продолжила: — В кого ты у нас такая? А может, все из-за твоего необычного имени? Как корабль назовешь, так он и поплывет... Никогда об этом не задумывалась. Может, у тебя с детства комплексы?

— Абсолютно никаких. Алипия — интересное женское имя. Не устаю радоваться, что я не Олимпиада или Евлампия.

У меня, правда, не было никакой неприязни к своему имени. Всегда и везде меня сразу запоминали, никогда не путали. Я давно изучила все, что известно об одноименном красивом дереве, и была им довольна. Быстрорастущее, очень выносливое, да еще источающее нежный медовый запах.

В детстве каждый ребенок старается быть на кого-то похожим. Я стремилась быть похожей на липу и не находила в этом ничего странного. У мамы было иное мнение, но мне оно совсем не мешало наслаждаться жизнью.

Училась я на физмате Политехнического института, исполняя давнюю мамину мечту. Поступить туда оказалось гораздо легче, чем постигать точные науки, по крайней мере, для меня, с детства пишущей стихи и делавшей неплохие портретные зарисовки. Конечно, я относилась к лирикам, но по ошибке заблудилась среди физиков. Мама была уверена, что после такого института куда легче и замуж выйти, и работу достойную найти.

В институте шла бурная подготовка к игре «КВН» с соседним факультетом. Мои способности в рисовании и написании сценарных текстов использовали по максимуму. Я дневала и ночевала в актовом зале, пока самые продвинутые одноклассники писали за меня работы, умудряясь сдавать пропущенные мной коллоквиумы.

Долгожданный день нашего интеллектуально-юмористического состязания выдался ветреным и морозным. Вылетев из подъезда и стараясь не упасть на скользком льду, я помчалась к автобусной остановке, срезая дорогу через двор. Ветер залеплял снегом глаза. Я ринулась по кратчайшему пути, лавируя между развешенным на веревке бельем. Окаменевшие от холода штаны вдруг стали непреодолимой преградой. Воткнулась в них на полной скорости, разом ощутив все прелести контакта с острыми ледяными выступами бетонной стены. Лоб был разбит в кровь. Лицо стремитель-

но отекало, превращаясь в синий баклажан. Пришла одна утешительная мысль: к счастью, в сценарии я не задействована, а на подхвате меня легко заменить.

В травмпункте сидел симпатичный темно-волосый парень с разбитым лбом, очень напоминающим мой собственный.

— О, закон парных случаев! — не удержался травматолог, прошагавший мимо нас по коридору.

Мы с парнем посмотрели друг на друга и в голос засмеялись. Почему-то сразу стало так легко и весело, словно знаем друг друга сто лет.

— Похоже, мы подружимся! — я протянула ему руку и представилась.

ОН

Мой вчерашний день складывался удачно. Я успел закончить все дела в институте, не выпав из графика досрочной защиты диплома, назначенной на следующее утро. Решился вопрос с моей практикой, и уже через неделю я должен стартовать в экспедицию в Заполярье, куда давно рвался и где хорошо знал большую часть группы. Я — без пяти минут орнитолог, будущий обладатель редкой интересной профессии. Не могу сказать, что с детства грезил изучением птиц. Если уж совсем откровенно, то о существовании такой специальности мне поведал приятель, легко уговорив совместно поступать именно туда. Перспектива мне понравилась, правда, путь к ней выглядел несколько извилистым, поскольку на тот момент я готовил совсем другие предметы. В итоге я поступил, а друг провалился.

Название моей профессии обычно вызывает неподдельный интерес, а друзья искренне сожалеют, что я не связал жизнь с музыкой. С детства пишу песни и играю почти на всех доступных музыкальных инструментах, не имея никакого специального образования. Но у меня абсолютный слух, и он все решает за меня. Институт я выбирал с одной целью — чтобы учеба не сильно напрягала и не мешала заниматься любимым делом. Неожиданно для

себя попал в совершенно новую среду, полную разговоров об экспедициях, ценных для науки находках и блестящих ученых, фанатично преданных своему делу. Короче, меня затянуло.

Но если вчерашний день оказался удачным, это говорит лишь о том, что он уже закончился. Ночью я долго крутился и никак не мог уснуть, беспрестанно проговаривая про себя до блеска отполированный текст предстоящей защиты. С этим «трактатом» в голове я отправился в туалет, нарочно не включая свет, дабы не сбить первые зачатки сна. Выставил руки перед собой, нащупывая дверь. Однако она оказалась открытой. Дверь вписалась в ширину моих раскинутых рук и встретила мой лоб сильнейшим отрезвляющим ударом. Конечно, я уже не уснул, пролежав до рассвета с замороженной курицей на лице. Утром зеркало бесстрастно сообщило, что курица не помогла. Лоб надулся огромным фиолетовым пузырем, медленно сползавшим на глаза. Вылитая очковая змея. Или змей?.. День бесповоротно поломался. Идти в люди с таким лицом нельзя.

Я в травмпункте, в ожидании своей очереди. В коридоре под тусклым светом больничных лампочек уже никого не было, когда появилась она. Я увидел весело прыгающие рыжеватые кудряшки, затем — смешливые искрящиеся глаза. Девушка сияла, словно проглотила атом солнца, совершенно не вписываясь в мрачную обстановку. Я не понимал, зачем она здесь, пока «кудряшка» не подошла ближе. Похоже, её лоб пострадал, как и мой, только еще с рассечением. Проходивший мимо врач отпустил какую-то шуточку. А я понял, что в институт сегодня точно не пойду. И никуда не пойду без нее.

— Липа! — она села рядом и протянула мне руку.

— Филин, — я зачем-то назвал фамилию и тут же добавил, — орнитолог.

Она безудержно захохотала, закинув голову назад, а я сидел рядом и так же громко смеялся, мечтая лишь, чтобы это состояние внезапно обрушившегося счастья никогда не заканчивалось. Даже не заметил, как мне выпустили кровь и перевязали.

ОНА

Врач быстро наложил на мою рану три акkuratных шва и намотал на голову повязку «раненого бойца» — пластырь закончился очень не вовремя. Волчком кружилась назойливая мысль — дождется меня орнитолог Филин или нет? Всем видом он напоминал крупную лохматую птицу с пронизывающим серьезным взглядом. Ему так подходила фамилия, что имя я даже не спросила.

Орнитолог пребывал на том же месте, где я его оставила. Мы посмотрели друг на друга и снова захохотали.

— Вы потрясающе выглядите, Липа! — заявил он.

— Правильно, лесть обязательно должна быть грубой, Филин! — почти пропела я.

Весь день мы провели вместе. Громкое веселье сменялось уютным молчанием. А посреди тишины мы, не сговариваясь, вдруг начинали говорить одно и то же, переглядывались и снова смеялись. У меня не было сомнений — это мой человек. Мы называли друг друга светофорами и фонарями, но это было так здорово — светофорить вместе, с легкостью переносить несовершенство внешнего вида и обсуждать все на свете, убеждаясь, что смотрим в одном направлении.

— ...Мы победили в «КВН»! Все твои шутки сработали! — на улице я столкнулась с одногруппницей, возвращавшейся домой после мероприятия. — Куда ты пропала? И почему... такое лицо?

— Все хорошо. Меня клюнул орнитолог! Вечером созвонимся, расскажешь! — я подхватила специалиста по птицам под руку и потащила дальше, оставляя подружку в недоумении.

Мы гуляли каждый день и никак не могли наговориться. Вскоре наши синяки начали цвести, превращаясь в радугу и вызывая еще больше острот у окружающих.

Филину предстояла длительная поездка в экспедицию для изучения миграций птиц, и я решила срочно познакомить его с родителями. По этому поводу папа вернулся с работы

раньше обычного, а удивленная мама даже накрыла стол, разглагольствуя на тему, что же не так с человеком, рискующим связать со мной свою жизнь. Однако услышав, что мой избранник — орнитолог с побитым лицом, птичьей фамилией и любовью к музыке, которой не имеет возможности заниматься, перестала удивляться.

Филин позвонил в дверь, как только часы пробили назначенное время.

— Ты что, в подъезде выстаивал, чтобы явиться минута в минуту? — съехидничала я.

По его виноватой улыбке поняла, что попала в точку.

Он вытащил из газетного кулчка пять подмороженных гвоздик для мамы, одна из них сразу обломилась, повесив набок грустную красную головку. Затем достал из сумки фигурку филина, искусно вырезанную из липы, и протянул мне.

— Раздевайся и проходи, — смущенно пробормотала я и нырнула в комнату. Из телевизора заиграла грустная восточная музыка очередной серии фильма «Королек — птичка певчая».

— Теперь мне все понятно! — мама задумчиво крутила сломанный цветок. — Нас ждут недоразумения в квадрате. Чует мое сердце! Ну где это видано, чтобы при таком обилии физиков найти орнитолога?!

Выбрав место для деревянной птицы, я вернулась в коридор. Но уже почти раздевшийся Филин почему-то снова одевался.

— Ты извини, не могу остаться. Завтра у меня защита, надо еще кое-что доделать в дипломной работе. Только сейчас вспомнил.

И он поспешно ушел, оставив меня в обидном недоумении. Мама, саркастически усмехаясь, предложила пригласить на ужин соседей. Папа молча уселся у телевизора.

ОН

Надо же, ее зовут Алипия. И она полностью соответствует своему прекрасному ни на кого не похожему имени. Так неужи-

данно, когда имя звучит мелодией, а губы растягиваются в улыбке только потому, что она рядом.

Я стоял в телефонной будке возле ее дома и упрямо набирал нужные цифры. Но трубка упорно отвечала короткими гудками. Была жуткая холодрыга, окоченевшие пальцы не слушались. Ветер колотил в стеклянную дверь. Дозвониться не получалось, а уехать, не попрощавшись, я не мог.

Вдруг дверь подъезда распахнулась и появилась Липа собственной персоной в смешной нахлобученной мохнатой шапке, элегантно бирюзовом пальто, накинутом поверх домашнего халатика, и мусорным ведром в руке.

Издав победный крик, я бросился ей навстречу. От неожиданности она растерялась и даже выронила ведро. Мусор разлетелся в стороны. Липа накрыла ведро руками, пытаясь удержать последние остатки. А я стоял рядом и бормотал ей скороговоркой про свои чувства, боясь не успеть сказать самое важное. Она распрямилась, зябко кутаясь в легкое пальтишко и почему-то прикрывая пол-лица воротником. Внимательно слушала мою несвязную речь, но не сказала ни слова. Это ее непонятное напряжение я мысленно связал с холодом и инстинктивно потянулся к ней, чтобы прижать к себе и поцеловать. Вдруг Липа резко отпрянула, мотнув головой. Почти тут же появился высокий здоровенный парень с густыми темными бровями. Он буквально влез между нами, загородив девушку и по-хозяйски заглянув мне в лицо.

— Вовчик, не надо, это лишнее! — Алипия поскользнулась и чуть не упала, зацепившись за парня. Он подхватил ее и, поставив на ноги, крепко взял под руку.

— Действительно, не нужно. И кто тут лишний — мне понятно! — я развернулся и молча зашагал на автобусную остановку, пытаясь унять заскулившее сердце. Никто и никогда меня так не отталкивал. Это липкое ощущение предательства. А ведь я поделился с ней сокровенным. Липа что-то кричала мне вслед. Но я не вернулся.

ОНА СПУСТЯ 30 ЛЕТ

— Ты сплошное недоразумение, мама! Неужели не видишь, на улице плюсовая температура? Одеда детей как на Северный полюс, с них уже семь потов сошло! — выговаривала мне дочь, забирая внуков домой.

— А то, что я сижу с твоими детьми третий месяц вместо садика, это нормально? И что мы гуляем во дворе уже четвертый час, а ты не торопишься — это так и должно быть? А я ведь заранее предупредила о своей важной встрече!

— Мама, не будь эгоисткой! У меня серьезная работа, а это, между прочим, твои внуки! Ты же мечтала о них или я заблуждаюсь? Правильно бабушка говорит, ты постоянно болтаешься на своей волне.

Наверное, со мной непросто. Я давно смирилась с ироничными комментариями и даже с прозвищем Миссис Казус. Окончив сложнейший физико-математический факультет и ни дня не отработав по специальности, я продолжала писать никому не нужные стихи и делать роскошные букеты. В основном дарила, так как совсем не умела продавать. Это стало предметом семейных шуток, наряду с легендой о поющем орнитологе Филине, который улетел, но забыл вернуться.

С первым мужем-физиком я развелась очень быстро из-за абсолютно разных взглядов на жизнь. Второй сам ушел к студентке третьего курса, сообщив на прощание, что я слишком быстро постарела. Действительно, жены стареют, в отличие от студенток третьего курса, которые не стареют никогда. Я осталась одна с ребенком на руках. Бралась за любую возможность подработать, кроме ненавистной физики. Все лучшее — для дочери! Я изо всех сил старалась, чтобы у нее было все.

Удача пришла откуда не ждали. Подруга пригласила под Новый год к себе на новоселье, куда я с удовольствием отправилась, забыв на столе листок с точным адресом. Время мобильных не наступило, а телефон в новую квартиру подруги провести не успели.

Роскошная корзина с зимним букетом из мягкой искусственной хвои, ярких игрушечных яблок и конфет, отбеленных еловых шишек, присыпанных переливающимся искусственным снегом, оттягивала руки. Я блуждала по новому микрорайону с этим плетеным кором, тяжелеющим с каждым шагом. Мороз усиливался, ноги заоченели, и я заскочила погреться в ближайший магазинчик с непонятным названием «Хенд мейд». Внутри было все, что я так люблю! Неординарные мелочи, сделанные своими руками: глиняные кружки, ажурные салфетки, цветочные композиции. Никогда не встречала в продаже ничего подобного.

— Шикарно! — хозяйка необычной лавочки даже выскочила из-за прилавка. — Вы эту красоту нам на реализацию принесли?

В ответ я утвердительно кивнула, понимая, что новоселье сегодня точно пройдет без меня, но появился шанс избавиться от шишечно-елового букета. Взгромоздив корзину на стол, я не без удовольствия отметила, что мое произведение на фоне всего остального выглядит по-королевски.

Руки освободились, и настроение улучшилось. Не успев дойти до остановки, я обнаружила в потайном кармане бумажку с нужным адресом.

Подруга, знающая меня с детства, со смехом отмахнулась от скомканных объяснений по поводу опоздания и отсутствия подарка. Она торжественно объявила гостям, что пожаловала «сама миссис Казус». Все благодушно захохотали, встретив мое появление бурными аплодисментами.

А на следующий день позвонили из магазина, сообщили, что неподаренная корзина продана и нужно срочно подвезти еще. Последние две недели перед праздниками я с утроенной энергией творила новогодние композиции и челноком металась между домом, превращенным в мастерскую, и магазином. Потом зимние букеты сменились на весенние, а затем на летние. Меня пригласили в фирму по оформлению праздничного дизайна интерьеров. Жизнь стала налаживаться.

ОН 30 ЛЕТ СПУСТЯ

Уже и не ожидал, что судьба снова закинет меня в родные места. А ведь, уезжая в экспедицию почти тридцать лет назад, я пребывал в растрепанных чувствах и никак не думал, что останусь в Мурманске навсегда. Суровый мир корявых низкорослых деревьев с мощными цепкими корнями, величественное и грозное незамерзающее Баренцево море с заблудившимся теплым Гольфстримом заморозили меня.

Мы жили на базе, окруженные множеством зеркальных овалов озер, мхами и лишайниками, припудренными тонким слоем снега чуть ли не с конца лета. Вокруг раскиданы крупные камни, если верить легенде, с «капельками крови» саамов-лопарей, жестоко бившихся за свои земли. Край цивилизации. Край земли. Безлюдье безвременья. И полное осознание: тут только природа и Бог.

Меня полностью захватила «птичья» работа. Я сразу начал собирать материал для кандидатской диссертации, а затем продолжил работу и вскоре защитил докторскую. Кольский полуостров стал для меня вторым домом. Женился на милой девушке-орнитологе, приехавшей, как и я когда-то, на практику. Но через пару лет она улетела домой в Сочи, сообщив в прощальной записке, что человек из солнечного города не в состоянии выдерживать долгие полярные ночи. Все правильно. Лучше быть здоровой и жить в Сочи, чем страдать от вечной депрессии на хмурых курортах Заполярья. Я это принял, только петь совсем перестал. Коллеги шутили, мол, раньше я разрывал шаблоны, доказывая, что Филин — птица певчая, а теперь скатился до банальности. Стал Филин как филин.

Я часто вспоминал смешную девчонку с прыгающими кудряшками и разбитым лбом. Странное стечение обстоятельств сперва столкнуло нас, а потом растащило в разные стороны. Написать ей? Но имело ли это смысл? В какой-то момент я осознал: время, когда что-то можно было вернуть, прошло.

Я спешил по делам и остановился всего на секунду прикурить, когда с крыши прямо передо мной съехала огромная глыба льда.

ОНА СПУСТЯ 30 ЛЕТ

Ялетела по скользкой улице на встречу с директором городской арт-выставки и страшно опаздывала. Пытаясь просчитать, как бы сегодня успеть сдать дочкино пальто в химчистку и забрать из ремонта мамины сапоги, не заметила, как левая нога на скорости зацепила кусок плотного льда, и я продолжила свое стремительное движение вперед. Ноги циркулем разлетелись почти в шпагат, носом я воткнулась в грязный снег, а шапка улетела в неизвестном направлении. Именно в этот момент передо мной с грохотом приземлилась огромная глыба, фейерверком разбросавшая во все стороны острые ледышки. Кажется, попало по голове. Сомнений в том, что падение сохранило мне жизнь, не было.

— Я остановился только на секунду, прикурить! — с другой стороны упавшего айсберга стоял потрясенный, но, кажется, невредимый мужчина. — Спасибо тебе, Господи! Ни за что теперь курить не брошу.

Он подбежал поближе и стал меня поднимать. Голова кружилась, слегка подташнивало. Нога болела и раздувалась. Я кое-как встала, подняла глаза на товарища по своему счастью и увидела Филина. Повзрослевший, возмужавший, с седыми висками и по-прежнему пышной шевелюрой орнитолог стоял напротив меня и улыбался. Превозмогая боль, я улыбнулась ему в ответ...

ОНИ...

Они сидели, обнявшись, в маленьком домике с огромным панорамным окном, выходящим на берег Баренцева моря, и, накрывшись одной шалью, завтракали под музыку Шопена. С тумбочки на них оценивающе смотрела маленькая фигурка филина, вырезанная из липы, — единственная ценная вещь, которую Алипия взяла с собой.

Пучина поддразнивала, забрасывая взбитую пену все дальше и дальше, а потом медленно уползала назад, целуя песок. Теплый

край своенравного океана. Смотреть на него можно было бесконечно. Чувства в полной синергии с заигрывающими волнами. Где-то далеко все стоны родни от ее очередной выходки. Вместо них — правильный адреналин, зашкаливающая энергетика Териберки, охота за северным сиянием, нереально вкусная рыба и очень теплые люди, живущие в суровом климате.

— Ты еще не пробовала танцевать на пляже под аккомпанемент этих волн-громов! — Филин старательно намазывал на бутерброд для Алипии икру морского ежа. — Но меня давно мучает один вопрос: почему ты тогда при прощании шарахнулась от меня как от чумы? Я решил, что совсем тебе не нравлюсь. И расскажи про Вовчика. Это он стал твоим мужем?

— Нет-нет, это меня мама тогда чесноком накормила, такая у нее была профилактика гриппа. Я чувствовала себя огнедышащим драконом. Вот и дернулась инстинктивно... А Вовчик... он всего лишь мой сосед по лестничной клетке. Мы с пяти лет знакомы. Ему показалось, меня обижают, вот и ринулся на защиту. Я же кричала тебе, пыталась объяснить, а ты даже не обернулся.

— Я не услышал. Ветер украл слова. Он виноват.

Они вышли из домика и неторопливо побрели по пляжу, наслаждаясь его первобытной безмятежностью и северным закатом. Ветер набирал силу, с каждым новым порывом усиливая привкус океана на губах. Алипия крепко держала Филина за руку, словно боясь, что он снова улетит, а ее дорогой орнитолог погрузился в новое неожиданное ощущение умиротворения, в полной мере понимая, насколько коротка дистанция от прекрасного до непоправимого. Он пытался анализировать эту удивительную способность безошибочно выбирать пути, ведущие к путанице и неувязкам, преследовавшим их повсюду, не давая пробиться к счастью.

— А ты почему тогда сбежал, так и не сев за накрытый стол? — Липа прервала размышления Филина. — Мне было больно.

— Я тогда снял ботинок и обнаружил дырку на носке. Даже не дырку, а дырищу, которую невозможно спрятать. Такая глупость, но мне дурно стало от одного только представления, что скажет твоя мама, когда увидит еще и это безобразие!

Липа неистово захохотала, а ему захотелось немедленно наестся чеснока и целоваться до одури. А еще захотелось музыки, чтобы снова стать поющим орнитологом Филиным...

ПРОБУЖДЕНИЕ

Она лежала с закрытыми глазами и улыбалась. Такого спокойствия и тихой радости не было очень давно.

— Пришла в себя. Вот и славненько, — сообщил совсем рядом незнакомый низкий голос.

Липа приоткрыла глаза и прищурилась от слишком яркого света. Белые стены в плитке, высокий потолок с лампой в пластиковом коробе, усиленные звуки... и бородатый врач с веселыми глазами в зеленом колпаке.

— Я... в операционной? — язык прилипал к небу, а сухие губы никак не хотели слушаться.

— Лучше. В реанимации! Последствия ушиба головного мозга. Кома. Вы покидали нас на три дня.

— Это типа сотрясения?..

— Типа похуже. Ушиб мозга отличается от ушиба колени, — он подмигнул. — С ногой, кстати, все более-менее в порядке.

— Значит, я не была на Баренцевом море? — голос Липы дрогнул.

— Нет. Только у нас! — врач провел рукой по ухоженной темной бороде.

В носу защипало, захотелось накрыть голову одеялом и заплакать. Но она только глубоко вздохнула и прикрыла глаза, пытаясь вернуться в тот прекрасный сон хотя бы на секунду.

— И нечего расстраиваться! — густой голос доктора упорно напоминал о реальности. — К вам, кстати, посетитель просится. Третий день из больницы не выходит, сидит как приклеенный. А я в реанимацию редко кого пускаю!

— Какой еще посетитель?

— Ну, тот мужчина, который скорую вызвал и привез вас после травмы.

Алипия, затаив дыхание, медленно приподняла голову. В дверях появился растрепанный Филин со счастливым осунувшимся лицом и сразу же с порога выдал заученной скороговоркой:

— Я больше никуда тебя не отпущу, поедешь со мной на Север? Ты точно не пожалеешь — это я предложение так делаю. Больше не будем терять время, права не имеем. Я тебе и кольцо купил, только черт меня дернул примерить его себе на мизинец. Второй день даже с мылом снять не могу, будто сам себе предложение сделал. Вот! — Филин выставил опухший мизинец вверх и виновато улыбнулся.

— Ты отвезешь меня?

— Да.

— В Териберку?

— Конечно!

— И угостишь бутербродом с икрой морского ежа?

Филин снова утвердительно кивнул.

— Тогда я согласна! Пусть судьба передождёт, — Липа чуть слышно засмеялась, ощущая, как ловит и удерживает на невидимой

ниточке свой недавний сон. — Это правда, что ты убежал тогда со званого ужина из-за дырки на носке?

— С чего ты взяла?.. — Филин обиженно нахмурился, миг напомнив своего пернатого собрата. — Вовсе нет. Просто носки оказались разного цвета, черный и белый. А лампочка перегорела. Я утром в темноте собирался.

Марина Игоревна СОЛОВЬЕВА

родилась в Нижнем Новгороде. Окончила Горьковский медицинский институт. Врач. Пишет прозу. Автор трех книг. Публиковалась в журналах «Нижний Новгород», «Сура», «Север», «Бельские просторы», «Наш современник», «Дальний Восток» и др. Произведения переведены на китайский язык.

Финалист премии «Гипертекст», «Болдинская осень», конкурса «Современный российский рассказ» («Роман-газета»), литературной премии им. А.И. Левитова, литературного конкурса «ЭтноПеро», дипломант литературного конкурса «Петроглиф» и пр.

